

СУББОТНЕЕ ОКНО САТИРЫ

СУББОТНЕЕ ОКНО САТИРЫ

РАВНЕНИЕ НА МАСТЕРА

Евгений Долматовский о Евгении Петрове

ЧЕРЕЗ ДЛИННУЮ ВОЙНУ

— Евгений Аронович, известно, что вы были военным корреспондентом. Когда скрестились ваши фронтовые дороги с Евгением Петровым, чей 80-летний юбилей мы будем отмечать 13 декабря?

— Когда началась война с белофиннами, я обратился в Главное политуправление с просьбой послать меня на фронт. Такое же заявление подал и Евгений Петров. И нас направили в газету «Боевая красноармейская», принадлежащую армии, которой предстояло штурмовать «линию Маннергейма». Работники редакции смотрели на Петрова с благоволением. Его узнавали и бойцы, и командиры. Когда мы отправились на попутном грузовике в дивизию за материалами, комдив Михаил Кирпонос после рукопожатий спросил: «Петров? Простите, тот самый, который Ильф?» Петров грустно улыбнулся: «Тот самый. Только Ильфа уже нет, и вот я один...» Эти писатели были очень непохожими людьми, но смерть Ильфа стала для Петрова трагедией, как это бывает у близнецов... А от Петрова ждали, что он организует отдел сатиры и юмора. И он советовался, разговаривал с бойцами, выслушивал предложения. Но над всеми собеседниками довели образы «12 стульев» и «Золотого тельца». Петрову же необходимо было создать новый персонаж. И мы придумали такого «героя» и форму будущих сатирических материалов. Это — письма-фельетоны красноармейца Паши Брехунцова в тыл.

— Какую задачу должен был выполнять ваш Паша Брехунцов?

— Мы нагрузили симпатичного лентяя всеми отрицательными качествами, и он учил красноармейцев всему... чего не надо делать. К тому же постоянные привирания Паши вызвали улыбки у бойцов. Это оздоравливало обстановку и положило предел запугиванию самих себя...

— Как же отнеслись к появлению Брехунцова в газете?

— Мы с Петровым не были монопольными авторами. Все работники редакции по призыву Петрова должны были, как он говорил, «нести в клювах пух и перышки» — остроты и выражения, подмеченные на фронте. Иногда сочинение очередного письма было похоже на репинский «ответ султану», и веселый хохот сотрясал перегородки финской дачки.

— Ощущалась ли дистанция между старшим и младшим товарищем по перу?

— На второй день нашего пребывания на передовой мы попали под очень сильный обстрел. Лежали, тесно прижавшись друг к другу и уткнувшись лицом в снег. И я случайно ска-

зал Петрову не «подвиньтесь», а «подвисься», хотя он был старше меня на 12 лет. После обстрела я полез к нему извиняться. Петров прервал меня: «Ты очень правильно сделал. Ведь произошло боевое крещение. Мы теперь будем обходиться без «вы»... Вот после этого крещения мы особенно сблизились и стали соавторами...

— Стали соавторами, насколько нам известно, в прозе: вместе сочиняли письма-фельетоны. А приходилось ли вам состязаться в поэзии?

— Петров любил веселое рифмование и эпиграммы. Часто заводил игру в рифмы и очень радовался, когда ему удавалось перешеголять собеседника. Один

обстрел мы пересидели в погребке. На полках стояли стеклянные банки с законсервированной желтой ежевикой. Тогда считалось, что все оставленные продукты отравлены противником. А Петрову очень хотелось попробовать ежевику с наклейкой «1938 г.» — неужели испортилась? Я отговаривал его. И тогда он сочинил двустишие:

Подойди ты, погляди-ка —
Ядовита ежевика?

И, подумав, добавил:

Очень жаль, что белофинн
Не оставил белых вин...

Так мы просидели обстрел, ничтогоснесший домик, в погребке которого мы находились. Потом, ненадолго заехав в редакцию, Петров похвалился:

«Долматовский признал себя побежденным. Прозаик под обстрелом поразил его сногшибательной рифмой».

— А во время Великой Отечественной войны вы встречались?

— 23 июня 41-го года Петров звонил мне по телефону: «Ты когда уезжаешь? Сегодня? Так вот, как старшая половина Паши Брехунцова, я тебе приказываю: будь осторожен. Это будет очень длинная война, нам бы своими глазами увидеть победу». А в июне 42-го года у Петрова состоялся последний разговор с Константином Симоновым. Помните его воспоминания? «...Петров заходит ко мне в номер и говорит, что, очевидно, завтра утром летит в Севастополь. Нет ли у меня плаща. Я достаю ему плащ. Примерив плащ, он улыбается: «Если вы гарантируете неприкосновенность мне, я гарантирую неприкосновенность вашему плащу. Или не ждите никого, или ждите нас обоих». Это последняя фраза, которую я от него слышу, и последняя улыбка, которую вижу на его умном лукавом лице...»

А в последний раз услышал о нем от писателя Аркадия Первенцева.

Наша колонна двигалась к Волге, шла по степи, среди которой возвышались белые горы с выходами мела. В небе над нами шли непрерывные воздушные бои... Бойцы передавали: они видели, как в меловую гору врезался наш транспортный самолет. Несколько человек, летевших в этом самолете, остались живы, среди них — Аркадий Первенцев. Его привезли в Сталинград, тяжело раненого, и он перед эвакуацией рассказал мне, что в этом самолете, врезавшемся в гору, был и погиб Евгений Петров...

Но, я уверен, его удивительному крылатому творчеству суждено сдвигать любые горы еще долгие и долгие годы.

Беседу вела
Людмила ЛИТВЯК.

В роли Остапа Бендера

«В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет 28... Звали молодого человека Остап Бендер».

Вот так же, легко и весело, вошел однажды великий комбинатор и в искусство театра и кино. Вернее, не вошел, а вошли, потому что было их, как известно, несколько — эту роль сыграли в свое время Сергей Юрский, Арчил Гомиашвили, Андрей Миронов, Александр Ширвиндт. И накануне юбилея одного из «крестных отцов» комбинатора журналисты Наталия Грачева и Леонид Днепровский решили поговорить с заслуженным артистом РСФСР Александром Ширвиндтом, который сыграл Остапа в Театре сатиры, и народным артистом Грузинской ССР Арчилом Гомиашвили — Бендером в фильме «12 стульев».

— Как вы думаете, почему на эту роль пригласили именно вас?

ШИРВИНДТ: Очевидно, я пригласился «командующему парадом» режиссеру.

ГОМИАШВИЛИ: Может быть, потому, что я — тоже во многом Бендер... Во всяком случае, это — самая «моя» роль!

— Значит, вы догадывались, что в вас «сидит» великий комбинатор?

ШИРВИНДТ: Догадывался, но только я один... ГОМИАШВИЛИ: Не только догадывался. Но и играл его в мюзикле Союзконцерта. Впрочем, играл я там почти все роли.

— Чем обогатил вас комбинатор?

ШИРВИНДТ: Если уж он не смог обогатить себя самого... Хотя образ этот часто приходит мне на память и при работе над другими ролями.

ГОМИАШВИЛИ: Сейчас мы с главным режиссером Московского драматического театра им. А. С. Пушкина начали трудиться над разработкой новой пьесы. Хотим, чтобы она была немного неожиданной, яркой. И тут бендерские уверенность в победе, легкость, умение энергично взяться за дело мне необходимы!

— А быстро вы смогли расстаться со своим героем?

ШИРВИНДТ: Не успеешь расстаться с одним Остапом Бендером, как тут же встреча-

ешь другого! Так что о нем я помню всегда.

ГОМИАШВИЛИ: Да и я с ним не расставался! Он, его энергия, его умение радоваться жизни — во мне самом... Кстати, ему так же, как мне, нужна была аудитория, нужны были зрители.

— Так наков он, по-вашему, современный Бендер?

ШИРВИНДТ: Такой же, только менее обязательный!

ГОМИАШВИЛИ: Не знаю, есть ли он, современный, «в чистом анде». Но если бы был, он, я уверен, стал бы актером. У него было для этого самое главное: он прекрасно знал природу людей. Вспомните: он буквально через час знал все о Воробьянинове и его драгоценностях, он мог прекрасно найти их сам, без Кисы. Но — он был артист, и ему был необходим хотя бы один зритель!

— Какая черта в характере героя «Двенадцати стульев» более всего привлекательна для вас?

ШИРВИНДТ: Оптимизм и... уровень таланта его создателей.

ГОМИАШВИЛИ: Юмор!

— Случись вам оказаться на месте Остапа Бендера в поисках драгоценностей, как бы вы действовали? В чем, на ваш взгляд, была ошибка великого комбинатора?

ШИРВИНДТ: Если это случится со мной, то действовать будут другие. И тут уж, думаю, тактической ошибки не произойдет.

ГОМИАШВИЛИ: Ошибка его была в неверном выборе... аудитории!

— И последний вопрос. Имело для вас какое-нибудь последствие выступление в этой роли?

ШИРВИНДТ: Благодаря ему я имею сейчас возможность отвечать на ваши вопросы. И этим быть причастным и празднованию юбилея замечательного сатирика — Евгения Петрова.

ГОМИАШВИЛИ: С тех пор меня... часто стали воспринимать как Остапа! «Это ж Бендер, с ним надо поосторожней. Кто его знает, что он еще выкинет!» Но, с другой стороны, я страшно рад, что «сроднился» с замечательным героем, созданным Ильфом и Петровым.